

Бояркина О.А.

МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ ПО ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ВОДНЫХ РЕСУРСОВ В ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКОМ РЕГИОНЕ И РОЛЬ РОССИИ

Аннотация: В статье рассматривается межгосударственный конфликт интересов центральноазиатских государств по вопросу совместного использования трансграничных водных ресурсов региона; оценивается значимость региона для национальных интересов и безопасности Российской Федерации; анализируется участие международного сообщества, а также роль международного права в сфере совместного использования трансграничных водных ресурсов региона. Предметом исследования является воздействие водных ресурсов на межгосударственные взаимоотношения центральноазиатских республик. Неурегулированные разногласия по совместному использованию трансграничных водных ресурсов и нарастающий водный дефицит являются катализатором межгосударственных конфликтов между государствами Центральной Азии. В статье используются факторный анализ, системно-функциональный метод, а также междисциплинарный подход к исследованию международного конфликта в сфере водопользования. Автор приходит к выводу, что роль и место центральноазиатского региона во внешней политике России на ближне- и среднесрочную перспективу должны быть пересмотрены вследствие возрастающего стратегического и экономического значения региона. В связи с этим предлагаются некоторые рекомендации по урегулированию водного конфликта в центральноазиатском регионе при участии Российской Федерации с целью сохранения и усиления ее геополитического влияния на постсоветском пространстве.

Review: The article is devoted to the interstate conflict of interests in Central Asian countries regarding the joint use of trans-boundary water resources in the region. The author of the article also evaluates the significance of the region for national interests and security of the Russian Federation and analyzes participation of the international community as well as the role of international law in the sphere of joint use of trans-boundary water resources in the region. The subject matter of the research is the influence of water resources on interstate relations of Central Asian republics. Unsettled disagreements regarding the joint use of trans-boundary water resources and the growing water deficiency trigger interstate conflicts between countries in the Central Asia. The author of the article uses factor analysis, system-functional method as well as the interdisciplinary approach to studying international conflicts arising in the sphere of water management. At the end of the article the author makes a conclusion that the role and the place of the Central Asian region in Russia's short-term and long-term foreign policies should be reviewed as a result of increasing strategic and economic importance of the region. In this regard, the author of the article offers particular recommendations on regulation of the water conflict in the Central Asian region with the participation of the Russian Federation and for the purpose of preservation and strengthening geopolitical influence of Russia in the territory of the former Soviet Union.

Ключевые слова: конфликт интересов, трансграничные водные ресурсы, водный дефицит, внешняя политика, национальная безопасность, национальные интересы, содействие международному развитию, международное водное право, международные организации, международные отношения.

Keywords: conflict of interest, trans-boundary water resources, water deficiency, external policy, national security, national interests, contribution to the international development, international water law, international organizations, international relations.

«Воду мы начинаем ценить не раньше того, как высыхает колодец.»

Томас Фуллер, английский священник, историк и биограф XVII в.

В контексте формирования и становления нового мирополитического устройства водные ресурсы приобретают сегодня все большую значимость как для социально-экономического, так и для политического развития государств, становятся цен-

ным товаром на мировом рынке в условиях их острого и нарастающего дефицита. В связи с ростом населения в среднесрочной перспективе спрос на воду будет прогрессивно возрастать. Так, по данным ООН на 2030 год, около 47% населения земли будет жить в условиях де-

фицита водных ресурсов.¹ Таким образом, можно говорить о том, что сегодня *вода становится неотъемлемым элементом современных международных отношений в целом и национальной безопасности государств, в частности.*

В современных условиях смещения геоэкономической оси мирового развития на восток, в Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР), стратегическая ценность центральноазиатского региона (далее – ЦАР) резко возросла. Газ, нефть, запасы урана, золота и других полезных ископаемых, удобные направления для прокладки коммуникаций влекут сюда многие развитые государства (ЕС, США, Китай, Япония)

Россия также имеет свои геополитические интересы в ЦАР. Однако вновь сложившиеся условия «Новой Большой игры» существенно осложняют для Российской Федерации сохранение былого влияния в этом регионе. Не сумев сохранить другие страны СНГ в фарватере своих интересов, центральноазиатский регион представляется для РФ серьезным шансом для сохранения и укрепления своих позиций на постсоветском пространстве.

Кроме того, в современной геополитической ситуации ЦАР имеет огромное значение для национальной безопасности Российской Федерации: обеспечение стабильности на южных границах России напрямую зависит от развития событий в этом регионе. Согласно Индексу «несостоявшихся государств» за 2012 год, составляемому Фондом мира², Таджикистан, Киргизстан и Узбекистан сегодня признаны наиболее «хрупкими» из всех постсоветских государств (85.7, 87.4, 87.5 балла соответственно). Принимая во внимание возможное осложнение политической ситуации в Афганистане, положение выглядит достаточно тревожно: «эффект домино» может поразить центральноазиатские республики со слабой государственностью. На этом основании можно сделать вывод: **в ближнесрочной перспективе национальные интересы России в центральноазиатском регионе могут быть охарактеризованы как непосредственные интересы национальной безопасности нашей страны.**³ Поэтому

смягчение потенциальных факторов нестабильности в ЦАР представляется императивом обеспечения национальных интересов Российской Федерации в сфере безопасности.

Одной из главных проблем в Центральной Азии всегда был «водный вопрос». Парадоксально, но Центральная Азия считается регионом с одним из самых высоких уровней водообеспеченности в масштабе планеты. Тем не менее, неравномерное распределение водных ресурсов наряду с нерациональным водопользованием, отсутствием новых технологий, необходимостью постоянного увеличения производства продовольствия и промышленной продукции для удовлетворения нужд быстрорастущего населения, а также амортизацией ирригационных сооружений и водосберегающих систем породили острую повсеместную нехватку воды в ЦАР.

В последние же 20 лет водный вопрос приобрел международное измерение, став существенным фактором межгосударственных отношений и региональной безопасности. Сегодняшняя проблема обеспеченности водой и совместного пользования трансграничными водными ресурсами в ЦАР стоит особо остро. Суть водного конфликта в регионе заключается в высокой гидрологической зависимости между государствами, а также большого количества участников трансграничных водных бассейнов. Так, в Центральной Азии условно существуют две группы государств. К первой относятся Киргизстан и Таджикистан, ко второй – Казахстан, Узбекистан и Туркменистан. Страны первой группы не обладают крупными запасами углеводородных ресурсов, которые составляют одну из основных статей дохода государственного бюджета Туркменистана и Казахстана. В то же время около 76.7% всех водных ресурсов бассейна Аральского моря формируется на территории Таджикистана и Киргизстана (51.5% и 25.2% соответственно). Эти страны крайне заинтересованы в развитии собственного гидроэнергетического сектора. При этом вторая группа государств, расположенная вниз по течению двух главных водных артерий региона – Амударья и Сырдарья, являются главными потребителями воды в ирригацион-

приоритеты» читаем: «Первостепенными задачами являются нейтрализация указанных угроз, исходящих с территории Афганистана, недопущение дестабилизации обстановки в Центральной Азии и Закавказье», поскольку возникновение и эскалация конфликтов вблизи государственной границы Российской Федерации представляет ее угрозу национальной безопасности в международной сфере.

¹ The third United Nations World Water Development Report, Water in a changing world, <http://www.unesco.org/new/en/natural-sciences/environment/water/wwap/wwdr/wwdr3-2009/downloads-wwdr3/>

² Failed States Index. 2012, <http://www.fundforpeace.org/global-library/cfsir1210-failedstatesindex2012-06p.pdf>

³ Это положение нашло свое отражение в Концепции внешней политики от 12.02.2013. Так, в разделе IV «Региональные

Политика и общество 12 (108) • 2013

ных целях, поскольку на их территории расположено около 83% орошаемых земель региона.

Конфликт интересов между группами стран заключается в режиме эксплуатации ГЭС. С позиции стран верхнего течения воду необходимо аккумулировать в водохранилищах в летний период с тем, чтобы зимой осуществлять выработку электроэнергии путем сброса воды через турбины ГЭС. Вторая группа государств, наоборот, заинтересована в том, чтобы максимальные попуски воды осуществлялись летом, в вегетационный период, для полива орошаемого земледелия. С этой позиции воду следует накапливать зимой, максимально сбрасывая ее летом.

В советские времена сложилась согласованная система взаимозачетов между центральноазиатскими республиками (в зимний период республикам верховья поставлялись твердые энергоносители за аккумуляцию ими воды, максимальные попуски которой осуществлялись в вегетационный период в интересах нижележащих государств), в целом эффективно работавшая на протяжении существования СССР. При этом координация такой бартерной водохозяйственной политики осуществлялась единым **надреспубликанским** органом – Министерством мелиорации и водного хозяйства СССР (Москва).

В результате распада Советского Союза отлаженный режим работы водохранилищ и систем поставок топливно-энергетических ресурсов начал давать сбои. Новообразованные независимые центральноазиатские республики столкнулись с проблемой самостоятельного решения вопросов совместного использования водных ресурсов региона, управление которыми ранее осуществлялось из единого центра.

В новых геополитических условиях Киргизстан и Таджикистан оказались вынуждены покупать энергоносители у стран нижнего течения по все более высоким ценам. Страны верховья, которые и в союзном масштабе были сравнительно бедными, а в результате распада СССР обеднели еще больше, оказались перед выбором: платить за энергоносители рыночную цену либо создавать свою гидроэнергетическую базу для покрытия внутренних потребностей в электроэнергии. Для этого, во-первых, необходим перевод ГЭС в энергетический режим работы, при котором максимальные попуски воды странами верховья осуществляются зимой, при этом вода накапливается в летний период, во-вторых, требуется возведение новых гидроузлов.

Разногласия в сезонном спуске воды обрели наибольшую остроту с 2000 года, когда конфликт интере-

сов стран бассейна Аральского моря в условиях резкого маловодья едва не перешел в силовую стадию.

Страны нижнего течения опасаются усугубления ситуации со своим водообеспечением и нарушения экологического баланса. Энергетический режим работы ГЭС уже сегодня наносит значительный экономический и экологический ущерб сельскому хозяйству республик низовья (в первую очередь, Узбекистану) в виде затопления урожая, заболачивания почвы, ее засоления. Поэтому они резко протестуют против наращивания гидроэнергетического потенциала государствами верхнего течения, требуя перевода ГЭС в ирригационный режим.

Особенно активен Узбекистан, занявший непримиримую позицию в отношении строительства крупных гидроузлов в странах верховья (Камбаратинской ГЭС в Киргизстане, Рогунской ГЭС в Таджикистане), опасаясь упадка хлопкового производства из-за увеличения дефицита воды для своих орошаемых полей вследствие снижения стока рек, а также изменения в перспективе геополитической конфигурации региона в связи с обретением энергонезависимости от Узбекистана.

Таджикистан и Киргизстан, в свою очередь, требуют от стран низовья увеличения суммы компенсаций за работу ГЭС в ирригационном режиме, участия их в расходах по поддержанию гидротехнической инфраструктуры, созданной еще в советский период и требующей модернизации. Киргизстан пошел далее, закрепив на законодательном уровне плату за воду⁴. В своих действиях он руководствовался тем, что в основе советского принципа «вода за энергию» была идея оплаты воды.

Таким образом, страны верховья рассматривают воду как товар, имеющий экономическую стоимость. Свой подход они подкрепляют суверенным правом собственности на природные ресурсы в пределах своей территории в рамках международного частного права, опираясь при этом на 4ый принцип Дублинской конференции (1992)⁵, признающий экономическую ценность

⁴ 29 июня 2001 года парламент Киргизстана принял Закон «О межгосударственном использовании водных объектов, водных ресурсов и водохозяйственных сооружений Кыргызской Республики». В этом документе отмечается, что водные ресурсы являются национальным богатством республики Киргизстан, который, в соответствии со статьей 3 Закона, признается собственником всех водных ресурсов в пределах границ республики.

⁵ Принцип 4 (Principle 4 «Instrumental»): Вода имеет экономическую ценность во всех формах ее использования и должна признаваться экономическим благом. // Water

воды. Государства же низовья апеллируют к основополагающей норме международного водного права – принципу *разумного и справедливого использования* вод международного водотока и *равного доступа* к водным ресурсам, в соответствии с которым трансграничные воды являются общим ресурсом, и, следовательно, бесплатным. Этот принцип содержится в статье 2 (с) Конвенции ЕЭК ООН по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер⁶ (Хельсинки, 1992 г.), к которой присоединились Казахстан и Узбекистан, поскольку ее положения отвечают экономическим интересам указанных государств: вода – это дар природы, к которому все прибрежные государства имеют равный и бесплатный доступ.

Учитывая тот факт, что международное водное право, призванное задавать рамки для совместного использования и обеспечения оптимального использования трансграничных водных ресурсов для всех прибрежных государств, как самостоятельная отрасль международного права находится еще на стадии формирования и не содержит четких формулировок понятий «разумного» и «справедливого использования» вод международного водотока, урегулировать вопрос трансграничного водопользования в ЦА с точки зрения применения международно-правовых норм на сегодняшний день не удастся. Это неизбежно ставит страны ЦАР перед необходимостью создания общей правовой платформы в сфере водораспределения на региональном уровне.

Однако предпринятые попытки решить проблему в рамках правового поля пока не увенчались успехом. С 1991 по 2008 годы страны региона заключили ряд соглашений. Тем не менее, это не способствовало урегулированию ситуации в сфере водопользования, поскольку в силу разновекторности экономических интересов государства региона не соблюдают достигнутые договоренности.

Неспособность к решению водного конфликта на региональном законодательном уровне свидетель-

ствует, с одной стороны, об отсутствии достаточной политической воли к региональному сотрудничеству, с другой, о проведении весьма эгоистической национальной политики государств региона. В условиях отсутствия стремления к региональной консолидации и усилению центробежных тенденций, необходимость заключения полноформатного и действенного соглашения по совместному использованию водных ресурсов региона сторонами не осознается, при этом водный конфликт в значительной степени политизируется. Центральноеазиатские республики стоят на непримиримых позициях, что ведет к дальнейшей эскалации конфликта.

Международное сообщество принимает попытки по решению проблемы трансграничного пользования совместными водными ресурсами в ЦАР. Сегодня количество международных институтов и организаций, задействованных в центральноазиатских проектах в сфере водораспределения, очень велико: Всемирный банк, специализированные организации ООН (ПРООН, ЕЭК ООН), Европейская Комиссия, Евразийский Банк Развития, Исламский Банк Развития, Фонд Ага-Хана, Глобальное водное партнерство, организации всех крупных государств, осуществляющие помощь развивающимся странам (USAID, GTZ, DfID, SECO и т.д.). Эти организации работают как на национальном уровне, так и в рамках межгосударственных проектов, разрабатывают технические решения, обеспечивают и поддерживают подготовку специалистов, пытаются способствовать региональному сотрудничеству с помощью различных трансграничных проектов.

Действительно, в отдельных случаях или на локальном уровне эти проекты улучшают ситуацию, однако в целом попытки международного сообщества урегулировать крупные острые международные конфликты не дают желаемого результата в силу различных причин.

Во-первых, отдельные проекты, реализуемые за счет донорской помощи, откровенно дублируют друг друга либо содержат противоречивые или общеизвестные подходы. Иногда они несут больше вреда, чем пользы, поскольку в их основу заложены определенные стереотипы, наработанные международным сообществом в странах Африки или гумидной зоне и не учитывающие многих аспектов ЦАР, а именно: многовековых традиций водопользования в регионе, его климатических особенностей, экономической ситуации, не говоря уже о балансе интересов конфликтующих сторон. Осознавая это, центральноеазиатские

has an economic value in all its competing uses and should be recognized as an economic good.

⁶ Статья 2 (с) Конвенции ЕЭК ООН по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер (1992) гласит: «Стороны принимают, в частности, все соответствующие меры: ... (с) для обеспечения использования трансграничных вод разумным и справедливым образом с особым учетом их трансграничного характера при осуществлении деятельности, которая оказывает или может оказывать трансграничное воздействие ...».

Политика и общество 12 (108) • 2013

водники «не нарушая восточных обычаев гостеприимства, вежливо поддакивают любым предложениям, чаще всего опуская их затем в «долгий ящик».⁷

Во-вторых, необходимо отметить недостаточный по сравнению с масштабом поставленных задач объем финансовых средств, выделяемых Европейским союзом для реализации Стратегии для Центральной Азии (750 млн. евро на период с 2007 по 2013 гг.), а также слишком осторожные подходы ЕС в водной сфере, в которой Евросоюз старается не занимать четких позиций.

Что касается позиции стран Центральной Азии, то в целом они смотрят довольно скептически на усилия ЕС в сфере совместного использования трансграничных водных ресурсов. Надо отметить, что в ЦАР подвергаются критике не только программы помощи ЕС, но и вся международная помощь в целом. При этом отмечается чрезвычайная краткосрочность международных проектов, ограниченность их масштаба, что объясняется их привязанностью к определенной организации. По мнению многих центральноазиатских специалистов – водников, международные организации, действующие в регионе, не владеют полной информацией, поэтому их действия не всегда отвечают реальному развитию водных отношений в ЦАР.

Кроме того, ни один из предлагаемых мировым сообществом проектов не предусматривает значимых инвестиций в разработку наукоемких технологий, восстановление производственных мощностей предприятий машиностроения и других отраслей, которые бы в итоге могли способствовать форсированной модернизации водохозяйственной инфраструктуры. Как правило, проекты предусматривают заимствование зарубежного оборудования и технологий, из чего многие эксперты заключают, что Запад вовсе не содействует развитию тех отраслей национальных экономик центральноазиатских республик, которые впоследствии могли бы стать конкурентоспособными. В этом контексте эксперты ЦАР все чаще говорят, с одной стороны, о целенаправленном сбыте морально устаревшей продукции водохозяйственного назначения в регион, с другой, о латентном политическом подтексте системы планирования программ международной помощи ЦАР.

Сегодня уже не только центральноазиатские, но и западные эксперты и политологи (в т.ч. и правозащитники) акцентируют внимание на том, что под предло-

гом установления демократической и стабильной ситуации в Центральной Азии, выраженной в Стратегии ЕС для Центральной Азии, Европа на самом деле имеет весьма прагматичный интерес в регионе к нефти и природному газу, а также к расширению транспортной инфраструктуры. Одним из ярких примеров тому является проект строительства магистрального газопровода Набукко. По оценкам центральноазиатских экспертов, этот проект отвечал геополитическим интересам США и их союзников по евро-атлантической интеграции, поскольку целью его было направить запасы газа из Туркменистана и Азербайджана в страны Европейского союза, прежде всего Австрию и Германию, в то время как «ресурсы Туркменистана и других стран Центральной Азии наиболее востребованы именно в самом регионе и постсоветском пространстве в целом. Замкнуть эти ресурсы на другие части мира – значит лишить саму Центральную Азию и все постсоветское пространство перспектив инновационно-промышленного развития.»⁸

Нельзя не отметить КНР как одну из весьма заинтересованных сторон в сотрудничестве с республиками ЦАР. Однако Китай активно продвигает свои экономические интересы, в центре которых стоит импорт углеводородов и расширение рынка сбыта китайских товаров, и не стремится содействовать странам региона в урегулировании водного конфликта.

В целом, деятельность международного сообщества в ЦАР остается сегодня малоэффективной, поскольку международные акторы преследуют, в первую очередь, свои геополитические и экономические интересы, маскируя их под лозунгами помощи странам ЦАР. «Если возникают существенные проблемы на Амударье и Сырдарье, то влияние международных проектов и организаций остается минимальным. Международные организации оказались неспособны выступать в качестве влиятельных посредников на политическом уровне».⁹

Низкая эффективность деятельности международных организаций в урегулировании межгосударственных противоречий в сфере водопользования в ЦАР ставит центральноазиатские государства перед необходимостью самостоятельного решения водного во-

⁷ Оролбаев Э.Э., Валентини К.Л., Абылгазиева А.К. Водные проблемы Центральной Азии. – Бишкек.: 2004. – С.89.

⁸ *Парамонов В.*, NABUCCO рано или поздно все же будет реализован, Информационное агентство REGNUM, 18.01.2011, <http://www.regnum.ru/news/economy/1365439.html>

⁹ *Libert B., Orolbaev E., Steklov Y.* Water and Energy Crisis in Central Asia, in: China and Eurasia Forum Quarterly, 2008, №3, p. 9.

проса. Однако в условиях взаимного стратегического недоверия, государства ЦАР не в силах найти компромисс. Без помощи третьей стороны центральноазиатские государства, вероятно, будут продолжать разрабатывать и реализовывать заведомо невыгодные и затратные стратегии создания альтернативной инфраструктуры самообеспечения без регионального сотрудничества, что неизбежно приведет страны ЦАР к сценарию «всеобщего проигрыша». Так, первый заместитель министра мелиорации и водных ресурсов Республики Таджикистан Султон Рахимов со ссылкой на данные ПРООН отмечает, что на сегодняшний день регион теряет ежегодно 1.75 млрд. долларов вследствие отсутствия сотрудничества.¹⁰

Центральноазиатский водный кризис имеет и российскую проекцию. Речь идет, во-первых, о стабильности большого сопредельного региона, во-вторых, о возможном сокращении объемов поверхностных вод, поступающих на территорию Российской Федерации, в-третьих, об увеличении притока мигрантов в Россию. В этой связи Россия в силу исторических, геополитических и экономических причин не может устраниваться от политической обстановки в странах региона.

Тем не менее, у Российской Федерации отсутствует четкая взвешенная позиция по отношению к ЦАР. С одной стороны, Россия участвует в строительстве новых ГЭС финансово и технологически (Камбаратинская, Рогунская ГЭС) в государствах верховья. С другой стороны, Москва не желает ухудшения отношений с нижележащими странами (в первую очередь, с Узбекистаном). Российская Федерация также стремится к роли посредника, неоднократно стимулировала попытки стран региона договориться о правилах диалога по водно-энергетическим вопросам, но пока это успеха не принесло.

При выделении донорской помощи у России также отсутствует стратегическое планирование региональных приоритетов. Так, Концепция участия РФ в содействии международному сотрудничеству от 25.06.2007¹¹ является пока единственным доктринальным документом, посвященным вопросу использования ресурсов помощи развитию в целях обеспечения национальных ин-

тересов страны. Несмотря на то, что в этом документе государства ЦА прямо не упомянуты, отдельные формулировки целевых ориентиров¹² указывают на то, что именно странам ЦАР отводится роль ключевых партнеров. Однако данная концепция является рамочным документом, в котором иерархия приоритетов обозначена лишь условно, поэтому использовать ее в качестве руководства к действию в определенном региональном направлении представляется трудновыполнимым. В связи с этим на сегодняшний день решения по выделению финансовых средств международной помощи принимаются не на основе средне- и долгосрочного планирования, а бессистемно, ad hoc, и носят конъюнктурный политический характер.

Исходя из этого, Россия должна выработать четкую концепцию стратегических приоритетов, ориентированную конкретно на Центральную Азию. Москве нужно максимально переориентировать донорскую помощь с других регионов (в частности, с африканского направления) на ЦАР, что соответствует нашим национальным интересам. В проектах оказания международной помощи следует четко проводить установку «сначала Центральная Азия» (Central Asia first).

Участие России в ШОС открывает перед ней возможности выступить посредником для содействия центральноазиатским странам в совместном освоении гидроэнергетического потенциала региона на паритетных началах в рамках реализации идеи создания водно-энергетического альянса. В этих целях рациональное сочетание потребностей ирригации и гидроэнергетики могло бы способствовать развитию регионального промышленного потенциала, а в дальнейшем – повышению социально-экономической стабильности региона. Общий гидроэнергетический потенциал ЦАР оценивается примерно в 460 млрд. кВт/час в год, однако сегодня используется лишь около 10% этого потенциала. Более того, гидроэнергетические ресурсы региона освоены лишь частично: только в Таджикистане существует возможность строительства более 80 крупных ГЭС. Однако страны верховья не располагают достаточными финансовыми средствами для строительства

¹⁰ Цит. по : *Фасхутдинов Г.*, Таджикистан делает ставку на «водную дипломатию», Deutsche Welle, 21.08.2013, <http://www.dw.de/таджикистан-делает-ставку-на-водную-дипломатию/a-17037502>

¹¹ Концепция участия Российской Федерации в содействии международному сотрудничеству от 25.06.2007, http://www.mid.ru/brp_4.nsf/sps/571FEF3D5281FE45C32573050023894F

¹² Глава II Концепции участия РФ в СМР в числе прочих обозначает следующие цели : «формирование добрососедских отношений с государствами, расположенными по периметру российских границ, противодействие возникновению и содействию устранению очагов напряженности и конфликтов, источников незаконного оборота наркотиков, международного терроризма и преступности, прежде всего в прилегающих к Российской Федерации регионах».

Политика и общество 12 (108) • 2013

хотя бы одной крупной ГЭС. В этой связи, думается, целесообразно совместное инвестирование стран региона в новые гидроузлы в Таджикистане и Киргизстане, что могло бы стать первым шагом к региональному сотрудничеству и, возможно, в дальнейшем к интеграции государств Центральной Азии. При этом особого внимания заслуживает Узбекистан как стратегическое государство в Центральной Азии, чью позицию необходимо учитывать при планировании новых гидропроектов. Наряду с этим, Россия могла бы модернизировать устаревшую инфраструктуру региона, осуществлять поставки в ЦАР водосберегающих технологий, а также водоемкой продукции. РФ, обладающая огромными запасами водных ресурсов, может предложить их странам ЦАР, поставляя в регион виртуальную воду, т.е. воду, входящую в состав готовой продукции. На сегодняшний день рынок виртуальной воды является одним из наиболее перспективных, поскольку в условиях водodefицита все больше стран предпочитают не производить водоемкие продукты, а покупать их в тех государствах, где себестоимость воды значительно меньше. Одним из главных поставщиков водоемкой продукции может и должна стать Россия, при этом ЦАР представляется наиболее верной точкой приложения усилий в этом направлении.

Создание общего научно-образовательного пространства для подготовки кадров в сфере водопользования и совместной разработки новых технологий в этой сфере с учетом международного опыта видится также одним из путей урегулирования водного вопроса.

Еще одним из главных и приоритетных направлений по решению проблемы дефицита воды должно стать рациональное использование имеющихся водных ресурсов в регионе путем внедрения национальной стратегии водосбережения. В этой связи нельзя не отметить усилия Узбекистана, на долю которого сегодня приходится наибольший расход воды бассейна Аральского моря. 19 апреля 2013 года руководство республики утвердило Государственную программу по улучшению мелиоративного состояния орошаемых земель и рациональному использованию водных ресурсов на 2013-2017 годы, направленную на рациональное и бережное использование водных ресурсов путем реализации комплекса мер по внедрению современных водо- и энергосберегающих технологий и оборудования в водном хозяйстве.¹³

¹³ Большое внимание в Государственной программе 2013-2017 уделено внедрению капельного орошения. Благодаря

В условиях отсутствия активных действий по урегулированию конфликта интересов в сфере совместного использования трансграничных водных ресурсов дефицит воды, и, как следствие, рост напряженности в межгосударственных отношениях в регионе будет нарастать в силу следующих факторов.

Во-первых, увеличения численности населения, и как следствие, роста спроса на воду. На сегодняшний день в центральноазиатском регионе на душу населения приходится около 1200 м³, что составляет на 500 м³ менее установленного уровня нормальной водообеспеченности.¹⁴ В дальнейшем тенденция нарастания дефицита воды в Центральной Азии усилится: по оценкам специалистов, демографический рост в Центральной Азии увеличит потребность в воде в предстоящие двадцать лет на 40%.

Во-вторых, в силу отсутствия единой согласованной политики ведения сельского хозяйства. Продолжает неуклонно возрастать площадь орошаемых земель в регионе: так, по данным Евразийского Банка Развития, если в 1960 году площадь орошаемых земель в регионе составляла 4510 тыс. га, в 1990 – уже 7500 тыс. га., то в 2000 – уже 8100 тыс. га.¹⁵ Примечательно при этом, что все страны региона (за исключением Казахстана) в своих национальных стратегиях развития предусматривают дальнейшее расширение орошаемых площадей. Трудно сказать, из каких расчетов исходили при составлении таких стратегий, поскольку для их суммарной реализации необходимо воды, как минимум, в полтора раза больше, чем ее есть сейчас в бассейне Аральского моря.

Не надо также забывать, что увеличение площади орошаемых земель ведет к росту численности населения (с 1960 по 2008 годы население в бассейне Аральского моря более чем удвоилось, почти до 60 миллионов), что, с одной стороны, увеличило нагрузку на водные ресурсы, с другой, – привело «к уменьшению показателя орошаемых земель на душу населения. Так, например, в начале XX века в Центральной Азии

создаваемой системе льгот и преференций за этот период планируется его внедрение на 25000 га земель.

¹⁴ *Рогожина Н.Г.* Водные ресурсы в странах Центральной Азии: интересы России // Новые тенденции во внешней политике России в Центральной Азии и на Кавказе. – М.: ИМЭМО РАН, 2008. – С. 111.

¹⁵ Евразийский Банк Развития, Водно-энергетические ресурсы Центральной Азии: проблемы использования и освоения. Отраслевой обзор, 24.04.2008. – С. 8.

приходилось на душу почти 0.6 гектара орошаемых земель, а ныне — менее 0.2 гектара»,¹⁶ что в перспективе неизбежно приведет страны региона к столкновению с новым вызовом — продовольственным кризисом.

При этом надо отметить, что ориентация национальных стратегий развития на орошаемое земледелие абсолютно не учитывает способности экосистемы к самовосстановлению, антропогенная нагрузка на нее может превысить ее способности к саморегуляции. Это неизбежно приведет к нарушению экобаланса, и, в конечном счете, масштабному экологическому кризису, создавая тем самым угрозу региональной безопасности в регионе.

В-третьих, нерациональное использование водных ресурсов (несовершенство способов орошения и технологий полива) до сих пор превалирует в ЦАР. Страны региона продолжают использовать в основном старые технологии орошения. Несмотря на то, что модернизация технологии забора воды в отдельных республиках началась (Казахстан, Узбекистан, отчасти Киргизстан), однако пока находится на ранней стадии своего развития. Проведенные таджикскими экспертами исследования эффективности водопользования в Узбекистане показали, что «из всего объема воды, забранного из источника орошения, только 20% полезно использовались хлопчатником. Остальные 80% теряются на водораспределительных коммуникациях, полях в виде различных потерь, т.е. КПД равняется 0.2. ... При улучшении КПД систем хотя бы на 15-20%, экономия воды в регионе составит 18-24 км³, что вполне способствовало бы наполнению Аральского моря.»¹⁷

В-четвертых, в перспективе проблема роста вододефицита в центральноазиатском регионе может осложниться увеличением водозабора Афганистаном, на территории которого формируется сток Амударьи. На сегодняшний день он использует лишь около 2 млрд. м³ воды для ирригационных систем в своей части бассейна Амударьи. В будущем Афганистан может потребовать увеличения своей доли воды для социально-экономического развития в северной части страны.

Это существенно изменит режим стока р. Пяндж и самой Амударьи. В потенциале он может забирать до 10 млрд. м³ воды, что будет иметь отрицательные последствия для водообеспеченности Туркменистана и Узбекистана, создавая напряженность в межгосударственных отношениях указанных государств. Кроме того, присоединение Афганистана в перспективе к водной проблематике ЦА может способствовать тому, что водная проблема выйдет за пределы нынешнего состояния. Принимая во внимание высокую политическую нестабильность в Афганистане, можно предположить, что возможность конфликта на почве трансграничных водных ресурсов увеличится.

В-пятых, глобальное климатическое изменение будет иметь существенное влияние на водные ресурсы, значительно сокращая их доступный объем. По прогнозам Межправительственной группы экспертов по изменению климата, через 15-20 лет водные ресурсы центральноазиатского региона сократятся как минимум на треть¹⁸. Известно, что ледники Киргизстана и Таджикистана играют важную роль в формировании водных ресурсов региона. В этом аридном регионе воздействие климатического изменения может непосредственно отразиться на объеме ледников, источниках питания и водности рек. Так, по данным Евразийского Банка Развития, «с 1957 по 2000 годы запасы воды в ледниках Памиро-Алтая сократились более чем на 25%, и этот процесс интенсивно продолжается. В Таджикистане, например, по прогнозам специалистов до 2025 года исчезнут тысячи мелких ледников, площадь оледенения сократится на 20%, запасы льда уменьшатся на 25%».¹⁹

Таким образом, вышеперечисленные факторы могут существенно усугубить политическую, социально-экономическую и экологическую ситуацию в регионе, грозящую перерасти в открытое противостояние на евразийском пространстве. Учитывая стратегическую важность ЦАР для национальных интересов России, его роль и место во *внешней политике РФ на ближне- и среднесрочную перспективу должны быть пересмотрены. России нужна четко разработанная концепция стратегических приоритетов, ориентированная*

¹⁶ Куртов А. Водные ресурсы как причина конфликтов в Центральной Азии, Журнальный клуб Интелрос «Свободная мысль», №3, 2013, <http://www.intelros.ru/readroom/svobodnaya-mysl/s3-2013/19239-vodnye-resursy-kak-prichina-konfliktov-v-centralnoy-azii.html>

¹⁷ Аминджанов М.А. Реальность и фальсификация водных проблем в Центральной Азии, 01.02.2010, <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1264981200>

¹⁸ IPCC Fourth Assessment Report : Climate Change 2007, Synthesis Report Summary for Policymakers. – www.ipcc.ch/ipccreports/ar4-syr.htm

¹⁹ Евразийский Банк Развития, Водно-энергетические ресурсы Центральной Азии : проблемы использования и освоения. Отраслевой обзор, 24.04.2008. – С. 7.

Политика и общество 12 (108) • 2013

конкретно на центральноазиатский регион. Российская Федерация может и должна выступить медиатором в урегулировании проблем совместного пользования трансграничными водными ресурсами между центральноазиатскими государствами, поскольку обладает достаточным для этого потенциалом.

Библиография:

1. Конвенция ЕЭК ООН по охране и использованию трансграничных водотоков и международных озер (Хельсинки, 1992)
2. Дублинские принципы 1992.
3. Государственная программа Республики Узбекистан по улучшению мелиоративного состояния орошаемых земель и рациональному использованию водных ресурсов на 2013-2017 годы.
4. The third United Nations World Water Development Report, Water in a changing world, <http://www.unesco.org/new/en/natural-sciences/environment/water/wwap/wwdr/wwdr3-2009/downloads-wwdr3/>
5. Failed States Index, 2012, <http://www.fundforpeace.org/global/library/cfsir1210-failedstatesindex2012-06p.pdf>
6. Концепция национальной безопасности Российской Федерации от 10 января 2000 года.
7. Концепция внешней политики РФ от 12 февраля 2013 года.
8. Концепция участия Российской Федерации в содействии международному сотрудничеству от 25 июня 2007.
9. Межправительственная группа экспертов изменению климата, IPCC Fourth Assessment Report : Climate Change 2007, Synthesis Report Summary for Policymakers. – www.ipcc.ch/ipccreports/ar4-syr.htm
10. Евразийский Банк Развития, Водно-энергетические ресурсы Центральной Азии : проблемы использования и освоения. Отраслевой обзор, 24.04.2008. – 44 с.
11. Закон Кыргызской Республики от 23 июля 2001 года №76 «О межгосударственном использовании водных объектов, водных ресурсов и водохозяйственных сооружений Кыргызской Республики»
12. Аминджанов М.А. Реальность и фальсификация водных проблем в Центральной Азии, 01.02.2010, <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1264981200>
13. Боришполец К., Бабаджанов А. Водные ресурсы Центральной Азии в контексте регионального сотрудничества. Аналитические записки, М.: Центр постсоветских исследований, МГИМО-Университет, выпуск 9 (29), декабрь 2007. – 70 с.
14. Куртов А. Водные ресурсы как причина конфликтов в Центральной Азии, Журнальный клуб Интелрос «Свободная мысль», №3, 2013, <http://www.intelros.ru/readroom/svobodnaya-mysl/s3-2013/19239-vodnye-resursy-kak-prichina-konfliktov-v-centralnoy-azii.html>
15. Малышева Д.Б. Национальные интересы и национальная стратегия России в Центральной Азии// Новые тенденции во внешней политике России в Центральной Азии и на Кавказе. – М.: ИМЭМО РАН, 2008, С.127-156.
16. Оролбаев Э.Э., Валентини К.Л., Абылгазиева А.К. Водные проблемы Центральной Азии. – Бишкек.: 2004. – 142 с.
17. Парамонов В., NABUCCO рано или поздно все же будет реализован, Информационное агентство REGNUM, 18.01.2011, <http://www.regnum.ru/news/economy/1365439.html>
18. Рогожина Н.Г. Водные ресурсы в странах Центральной Азии : интересы России // Новые тенденции во внешней политике России в Центральной Азии и на Кавказе. –М.: ИМЭМО РАН, 2008. – С.111-126.
19. Фасхутдинов Г., Таджикистан делает ставку на «водную дипломатию», Deutsche Welle, 21.08.2013, <http://www.dw.de/таджикистан-делает-ставку-на-водную-дипломатию/a-17037502>
20. Libert B.; Orolbaev E., Steklov Y., Water and Energy Crisis in Central Asia, in: China and Eurasia Forum Quarterly, 6(2008)3, pp. 9.-34
21. Wolf A. A Long Term View of Water and Security: International Waters, National Issues, and Regional Tensions/ A. Wolf. – Berlin : Heidelberg: Springer-Verlag, 2007. – 23 p.

References (transliteration):

1. Amindzhanov M.A. Real'nost' i fal'sifikatsiya vodnykh problem v Tsentral'noi Azii, 01.02.2010, <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1264981200>
2. Borishpolets K., Babadzhanov A. Vodnye resursy Tsentral'noi Azii v kontekste regional'nogo sotrudnichestva. Analiticheskie zapiski, M.: Tsentr post-

- sovetskikh issledovaniy, MGIMO-Universitet, vypusk 9 (29), dekabr' 2007. – 70 s.
3. Kurtov A. Vodnye resursy kak prichina konfliktov v Tsentral'noi Azii, Zhurnal'nyi klub Intelros «Svobodnaya mysl'», №3, 2013, <http://www.intelros.ru/readroom/svobodnaya-mysl/s3-2013/19239-vodnye-resursy-kak-prichina-konfliktov-v-centralnoy-azii.html>
 4. Malysheva D.B. Natsional'nye interesy i natsional'naya strategiya Rossii v Tsentral'noi Azii// Novye tendentsii vo vneshnei politike Rossii v Tsentral'noi Azii i na Kavkaze. – M.: IMEMO RAN, 2008, S.127-156.
 5. Orolbaev E.E., Valentini K.L., Abylgazieva A.K. Vodnye problemy Tsentral'noi Azii. – Bishkek.: 2004. – 142 s.
 6. Paramonov V., NABUCCO rano ili pozdno vse zhe budet realizovan, Informatsionnoe agentstvo REG-
NUM, 18.01.2011, <http://www.regnum.ru/news/economy/1365439.html>
 7. Rogozhina N.G. Vodnye resursy v stranakh Tsentral'noi Azii : interesy Rossii // Novye tendentsii vo vneshnei politike Rossii v Tsentral'noi Azii i na Kavkaze. –M.: IMEMO RAN, 2008. – S.111-126.
 8. Faskhutdinov G., Tadzhiqistan delaet stavku na “vodnuyu diplomatiyu”, Deutsche Welle, 21.08.2013, <http://www.dw.de/tadzhiqistan-delaet-stavku-na-vodnuyu-diplomatiyu/a-17037502>
 9. Libert B.; Orolbaev E., Steklov Y., Water and Energy Crisis in Central Asia, in: China and Eurasia Forum Quarterly, 6(2008)3, pp. 9.-34
 10. Wolf A. A Long Term View of Water and Security: International Waters, National Issues, and Regional Tensions/ A. Wolf. – Berlin : Heidelberg: Springer-Verlag, 2007. – 23 p.